

Иногда долгая дружба с человеком изглаживает из памяти день первой встречи с ним, кажется, что знакомы и дружны были всегда, сколько себя помним. Но, хотя с Романом Арбитманом наши дружеские отношения длились более сорока лет, я прекрасно помню, как мы познакомились. Это было в 1978 году в первый день занятий по литературе в филологической группе на подготовительных курсах Саратовского государственного университета, где я преподавала. Желая познакомиться со своими учениками, я называла им эпиграфы к разным произведениям, программным и внепрограммным, и просила назвать источник и автора. Тогда читающих старшеклассников было намного больше, чем сейчас, мне отвечали хором. И только когда я назвала эпиграф к повести братьев Стругацких

«Понедельник начинается в субботу», мне ответил один мальчик. Это был Роман Арбитман.

Вскоре я смогла убедиться в его необыкновенной любви к фантастике и глубоким знаниях в этой области. Конечно, это всё не означало, что Роман был равнодушен к классической литературе, нет, он был настоящим филологом, и его нельзя было упрекнуть в равнодушии к творчеству Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, но фантастика, как главная привязанность, занимала исключительное место в его жизни уже тогда.

На курсах поощрялись литературные опыты учащихся. Мы спрашивали их, не пишут ли они стихов или прозы. Заброшенный невод приходил главным образом с девичьими стихами про несчастную любовь, мальчики гораздо реже пробовали силы на литературном поприще.

Но Роман и здесь удивил меня. Он предложил мне написать совместно с ним что-то вроде полуфантастического повествования свободной формы и жанра. Оно осталось без названия, а жанр мы самонадеянно определили как роман. Забегая вперёд, скажу, что наш проект не был завершён, были написаны лишь несколько глав. Это было что-то о художнике, иллюстрировавшем Ф.М. Достоевского и во время поисков натурщиков попавшегося в лапы невероятных злодеев. Помню, меня тогда поразило, с каким энтузиазмом, с какой готовностью Роман взялся за дело. Неожиданные повороты сюжета, потрясающие планы злодеев — всё это придумывалось им с редкой изобретательностью, с любовью к делу. Я едва успевала написать свою часть текста, увы, не ощущая в себе Роминой любви к сочинению фантастических историй.

Много лет спустя на одном из моих юбилеев Роман вспоминал наш с ним писательский опыт и шутил, намекая на свою литературную судьбу, мол, видите, что из этого получилось. Думается, что в этой шутке была доля шутки. А если говорить всерьёз, то в Романи очень рано обозначилось его призвание, которому он никогда не изменял.

Разумеется, вспомненный эпизод из жизни Романа — это только крошечная часть того, чем были наполнены долгие годы нашего дружеского общения. О чём сказать в заключение этих мини-мемуаров? Роман всегда удивлял — своей работоспособностью, своим редким умением добиваться поставленной цели. В общении он блистал остроумием и радовал склонностью к самоиронии — свойствами по-настоящему умных людей. Он был талантливым рисовальщиком, и у меня хранятся его рисунки, в том числе и иллюстрации к тому первому едва начатому роману. Он, безусловно, был человеком долга и выполнял его в самых трудных обстоятельствах, шла ли речь об уходе за заболевшим близким человеком или о помощи друзьям. Отнюдь не в качестве мемуарных панегириков о нём можно сказать: каждый день его жизни был наполнен трудом и смыслом.